

СТУДЕНТЫ ПЕРЕСТРОЙКИ

Елена Валентиновна Кондратенко

*кандидат педагогических наук, профессор,
директор педагогического института,
Марийский государственный университет,
выпускница биолого-химического факультета
Марийского государственного университета 1988 года*

Я поступила на биолого-химический факультет Марийского государственного университета в 1984 году. Мой дед, Валентин Степанович Мартынов, работал в университете со дня его основания, одним из первых начал преподавать генетику и, гуляя со мной, шестилетней, явно оттачивал на мне свои лекции, даже строение клетки на асфальте рисовал, поэтому слова «цитоплазма», «ядро», «хромосома» мне были известны с дошкольного возраста. Дедушки не стало, когда мне было 10 лет, а его библиотека (книги по общей биологии и генетике, в основном переводные, с иллюстрациями и фотографиями) осталась. Биохим привлекал еще и тем, что там давали специальность «биолог. Преподаватель биологии и химии», а я с детства хотела быть учителем. При этом педагогический институт я не рассматривала – там работала мама, а в 17 лет хотелось хотя бы какой-то условной независимости. Моя первая встреча с университетом произошла намного раньше вступительных экзаменов – в 10-м классе я с подружками по воскресеньям ходила в университет на курсы по подготовке к вступительным экзаменам. Занятия проводились преподавателями университета и школьными учителями в большой аудитории в корпусе «Д», которая была заполнена будущими абитуриентами полностью, до верхних рядов амфитеатра. Курсы были платные, но по какой-то очень доступной цене, на них приезжали школьники со всей республики. Я ходила на подготовку по биологии, химии и математике. Разница с тем, что давали в школе по этим предметам, была существенна. У меня очень долго хранилась тетрадка с лекциями по химии с тех курсов, что-то из нее я использовала, когда уже сама преподавала химию в школе. Перед самыми вступительными

экзаменами были еще одни подготовительные курсы. Со многими будущими однокурсниками я познакомилась именно на этих курсах – занятия были ежедневно по шесть часов, в течение трех недель, занимались в корпусе «А» на 4-м этаже. Вступительные экзамены сдавались там же, кроме сочинения. Помню тему сочинения («Отцы и дети» И. С. Тургенева) и два билета под № 13 – по биологии и химии. Биологию принимали Анна Афанасьевна Камаева и Тамара Константиновна Пигулевская. В общем, все я сдала на «пятерки», кроме математики, на которой неправильно ответила на дополнительный вопрос о том, может ли на графике точка максимума быть ниже точки минимума. Оказывается, может. На всю жизнь запомнила, хотя больше никто и никогда не спрашивал.

А из воспоминаний 1-го «студенческого» сентября в памяти остался Михаил Юрьевич Кокурин, которого нам представляли как юного математического гения, досрочно окончившего университет.

Михаил Юрьевич Кокурин

Поскольку я родилась и выросла в Йошкар-Оле, я очень люблю свой город. В детстве я много путешествовала с родителями, была в разных городах, но у меня никогда не было чувства, что Йошкар-Ола – провинция. В 1980-е годы летом город был очень зеленым. Ярко зеленело все: бульвары, скверы, парки, берег Кокшаги. Было

много кинотеатров, активно рос новый район – Сомбатхей, в 1984 году было построено новое здание Русского драматического театра. Тогда оно казалось сказочным и очень современным. В эти же годы было построено новое здание библиотеки им. Чавайна. Туда мы тоже ходили, когда писали курсовые и дипломную работы.

В кабинете анатомии, 1-й курс

Наша жизнь в университете происходила в основном в трех корпусах: «Б», «Д» и «В». Корпус «Б» был самый родной, уютный и почему-то самый солнечный, в нем проходило большинство наших занятий. В корпус «В» мы ходили на лекции и практические по химии. В корпусе «Д» изучали анатомию и физиологию человека, там же велись занятия по гистологии, цитологии и микробиологии. Поскольку этот корпус считался лабораторным, преподаватели требовали, чтобы мы посещали его в белых халатах. Вообще, практические занятия, особенно по химии, относятся к самым ярким первым впечатлениям от университета. Помню, что нам на 1-м курсе выдавали в пробирке раствор солей, мы должны были определить состав катионов и анионов, которые в него входят. Обычно пары на это не хватало, но можно было прийти во внеаудиторное время, чтобы продолжить опыты.

Большинство студентов обедали в столовой «Меридиан», там в обеденное время были огромные очереди и очень приличные комплексы

ные обеды, по-моему, за 1 рубль 20 копеек. Обычная студенческая стипендия была 30 рублей, повышенная – 40 рублей. При этом мало кто из студентов работал, даже на старших курсах.

Студенты биохима жили в общежитии № 1 на ул. Я. Эшпая. В нем мы, городские, тоже часто бывали, особенно на первом курсе.

Наше обучение на старших курсах выпало на начало перестройки. Студентами все изменения были восприняты очень позитивно. «Ветер перемен» в 1987–1989 гг. принес в жизнь студентов действительно много нового и интересного. Во-первых, появилось много каких-то неформальных мероприятий, дискуссий, круглых столов, в которых участвовали и студенты, и преподаватели. Студентов активнее стали вовлекать в самоуправление. Я, как член комитета комсомола, была введена в ученый совет факультета. Впервые проводилась оценка студентами преподавателей. Это все было необычно.

Во-вторых, появились публикации того, что в СССР не издавалось в доперестроечные годы:

мы впервые читали «Доктор Живаго» Б. Пастернака, «Мастер и Маргарита», «Собачье сердце» М. Булгакова. Я помню, как на какой-то лекции в группе передавали под партами распавшиеся почти по страницам полкниги М. Булгакова «Мастер и Маргарита»: один читал первую половину книги, а второй – уже продолжение. Я выписывала журнал «Студенческий меридиан» – он с 1988 года стал совершенно другим, в нем печатались А. Ф. Лосев, Д. С. Лихачев, Ю. В. Бондарев, И. Акимов, были странички по самообразованию – практикум по деловому общению, уроки английского языка, блок про рок-музыкантов. Я номера журнала приносила в группу, он тоже передавался из рук в руки. Мы все были читающие...

На лекции, 2-й курс

Совершенно иным стало телевидение: появились передачи, которые смотрели и обсуждали студенты – «Музыкальный ринг», «Взгляд», «До и после полуночи».

Университетских преподавателей помню практически всех – среди них не было каких-то случайных людей, многие из них были из поколения основателей университета, ученых-практиков: наш первый декан, фронтовик, добрейший «отец родной» всех студентов Лаврентий Иванович Шабалин, заместитель декана – строгая и требовательная Анна Афанасьевна Камаева, наш второй «перестроечный» декан Михаил Гурьевич Григорьев, неповторимые

Лев Натанович Вейцман, Николай Васильевич Абрамов, Наталья Прокопьевна Грошева, Сания Якуповна Файзуллина, Светлана Асановна Мухина, Инесса Алексеевна Лобанова, Александр Сергеевич Сергеев, Мария Матвеевна Кошпаева... Список очень большой, его можно продолжать и продолжать. И с каждым именем будут связаны свои студенческие истории и воспоминания, и каждому хочется сказать искренние слова благодарности. При этом были же еще и преподаватели других, «нефакультетских» кафедр, которые нас тоже не только учили, но и воспитывали: Галина Николаевна Швецова, Светлана Александровна Романова, Александр Васильевич Кувшинов, Геннадий Иванович Кириллов и многие-многие другие. Очень хорошо помню, как на лекции по истории КПСС мы смотрели фильм Михаила Ромма «Обыкновенный фашизм», кто-то из девочек плакал.

В качестве специализации я выбрала ботанику. Не потому что мне это было безумно интересно, просто так сложились обстоятельства, что три студентки-отличницы, в том числе и я, узнав, что нас «без спросу» записали на специализацию, о которой мы не помышляли, заявили в деканат и сказали почти дословно: «На дворе перестройка и гласность, а у нас студентов лишают единственного выбора – выбора специализации!». Нам сказали: «Выбирайте! Остались места для специализации на кафедрах физиологии растений и ботаники». И мы втроем пошли на ботанику.

Первую курсовую писала у ректора университета П. А. Соколова по экологии березняков. На практике облазили все гари, которые остались после пожаров 1972 года, – именно там были березняки. Даже в Татарстан ездили – экосистемы сравнивали. Собирали гербарии, определяли растения. Литературы по теме курсовой в нашей библиотеке не хватало – записались в библиотеку политеха, тогда была такая возможность. Очень нравились практикумы по высшим растениям – на них отводилось по два дня в неделю на старших курсах, вел их Николай Васильевич Абрамов, который тогда заведовал кафедрой ботаники. Там царил очень спокойная рабочая обстановка: разбирали растения, работали с классификаторами, занимались систематизацией растений. Но вторую курсовую я писала уже по педагогике. Ее у нас читала Галина Николаевна Швецова, читала очень интересно, приводя массу примеров из своей практики – и мы опять все

той же троицей попросились к ней на курсовую. П. А. Соколов из университета ушел, мы остались без научного руководителя, поэтому Н. В. Абрамов нам разрешил. Вообще, наши педагогические устремления им поддерживались – на 5-м курсе, когда педагогика уже закончилась и единственная педагогическая практика была позади, мы сами подошли к нему и спросили о возможности спецкурса по педагогике. Надеялись, что его будет читать опять Галина Николаевна, но он пригласил директора какой-то школы, который в течение семестра вел курс «Педагогика новаторства». Тогда мы впервые

услышали имена В. Ф. Шаталова, И. П. Иванова, С. Н. Лысенковой, Е. Н. Ильина. И. П. Волкова, Ш. А. Амонашвили, Б. П. Никитина. Это была совсем другая педагогика. Моя дипломная выросла из моей курсовой работы – я писала о воспитании культуры поведения у подростков. Проходила практику в 5-м классе своей родной школы № 2 и проводила педагогический эксперимент: организовывала анкетирования, классные часы, ролевые игры по правилам поведения. Даже на родительском собрании выступала и в театр своих подопечных дважды водила для закрепления правил поведения.

Практика в Шушерах, 1-й курс

Биолого-химический факультет был всегда силен своими традициями, начиная с отношения к обучению. На мой взгляд, у первокурсников биохима того времени не было проблемы адаптации к вузовскому обучению: из классно-урочной системы школьного обучения с ежедневными домашними заданиями и системой регулярного контроля мы пришли к такой же вузовской системе, в которой ежедневно давались домашние задания, мы постоянно готовились к практическим, контрольным, коллоквиумам. Пропущенные практические занятия обязательно отрабатывались, была система ежемесячной академической аттестации. При этом нас с первых дней привлекали к работе в

студенческих научных обществах, научных кружках. На факультете действовала дружина охраны природы. Ежегодно проводился День биохима, на котором избирался президент биохима. Весь факультет в эти дни был увешан листовками и стенгазетами с фотографиями кандидатов и их программами. На одном из Дней биохима продавались фотографии наиболее популярных преподавателей с их автографами. У меня до сих пор хранится где-то в альбоме фотография профессора Л. Н. Вейцмана с его подписью. Не было такого количества воспитательных мероприятий и социальных активностей, как сейчас, но мы были очень сплоченными и дружными, в этом немалую

роль играли полевые практики – их было много, походные условия действительно объединяли. Одни Шушеры чего стоили... А еще студенты третьего курса были традиционно наставниками первого курса, проводили у первокурсников мероприятия, начиная с посвящения в студенты и заканчивая политинформациями. Традиционными были отдых студентов на Яльчике, в «Олимпийце». Путевка на 10 дней стоила около 10 рублей.

Мы окончили университет в 1989 году. Мне кажется, что, несмотря на то, что происходило

в стране в следующее десятилетие, значительная часть моих однокурсников осталась верна полученной специальности, связала свою жизнь либо с образованием, либо с охраной природы, пошла работать в лаборатории и на производство. В университете работают мои однокурсницы – кандидаты биологических наук О. В. Полозова (Видякина), И. Г. Воробьева. С образованием связали свою жизнь мои однокурсницы С. Алексеева, А. Иванова (Михайлова), И. Лебедева (Калинина), О. Гуськова.

День вручения дипломов

После окончания университета я преподавала биологию и химию в СПТУ № 8, затем в СОШ № 7 и параллельно в «Синей птице». О науке как-то особо не задумывалась, пока Лидия Федоровна Панфилова не позвала работать на кафедру педагогики и психологии в педагогический институт. До этого звали в университет, но предложили заниматься исследованием какой-то популяции то ли подорожника, то ли крестоцветных, меня это не вдохновило, и я из школы решила не уходить. И от приглашения работать на кафедре педагогики и психологии тоже хотела отказаться. Зачем? Мне в школе так хорошо, все получается, у меня такие замечательные ученики. И зарплата там выше, чем у

ассистента вуза. Но Лидия Федоровна позвонила рано утром в первый день моего отпуска и строго сказала: «О чем Вы еще думаете? Я Вам нагрузку уже спланировала. Никуда Ваша школа от Вас не денется. Вы сами почувствуете разницу. Приходите, поговорим...». Я пришла – и осталась. Но еще два года работала в школе, не могла бросить свой единственный выпуск. В школе терпели мои постоянные поездки в Москву, потому что я весь первый год работы в институте ездила на повышение квалификации (должна же я была разобраться, что за наука такая – педагогика?), а на второй год поступила в заочную аспирантуру в МПГУ, на кафедру педагогики и психологии высшей школы к профессору

В. Г. Пряниковой. Поступила, потому что понимала, что если оставаться в вузе, то надо защищаться. А то, что надо оставаться, я уже не сомневалась. У нас была совершенно замечательная кафедра, много молодых преподавателей (мои ровесники, 25+ или чуть старше), было старшее поколение, которое нас, молодых, опекало, направляло и всячески поддерживало – В. А. Охотникова, М. В. Юрьева, И. А. Чуриков, С. А. Иванов, Л. А. Вяткина. Л. Ф. Панфилова сумела создать на кафедре коллектив единомышленников, работать было очень комфортно и интересно. На последний год в аспирантуре я, по рекомендации научного руководителя, перевелась на очное обучение. В мае 1998 года в диссертационном совете МПГУ, председателем которого был академик В. А. Слостенин, досрочно защитила кандидатскую диссертацию «Становление и развитие теории воспитания как учебного предмета в системе профессиональной подготовки учителя (1920–1980-е гг.)». После защиты вернулась в родной вуз. Меня тогда многие спрашивали: «Зачем вернулась?». Работа в Москве была – я год работала учителем биологии и географии в школе-комплексе на Рублевском шоссе, параллельно преподавала педагогику в частном вузе, зарплата была в разы больше, чем та, что я получала в пединституте. Но в Йошкар-

Оле оставался сын 9 лет, и везти его в Москву, жить в общежитии, я считала, что не имею морального права. И потом я знала, что меня ждут на кафедре. Честно говорю, что ни минуты не сомневалась в правильности своего решения и до сих пор не жалею.

Несмотря на то, что вся моя преподавательская и научная деятельность связана с педагогической, я считаю, что первый опыт исследовательской деятельности был заложен именно в период обучения на биолого-химическом факультете. Именно там формировались первые навыки исследования: умение планировать и проводить эксперименты, выдвигать гипотезы, закладывать опыты, анализировать и описывать результаты исследования, пользоваться статистическими и математическими методами обработки результатов, писать первые научные статьи. Сейчас в моем научном багаже более 120 публикаций – статей, монографий, учебных пособий по педагогике. Под моим руководством защищено 7 кандидатских диссертаций по педагогике (И. А. Загайнов, Р. Г. Чулкова, Т. И. Закирова, И. Б. Белявская, И. Е. Быстренина, О. В. Иванова, Л. В. Курочкина). Я являюсь руководителем федеральной инновационной площадки, руковожу магистерской программой «Менеджмент в образовании».